

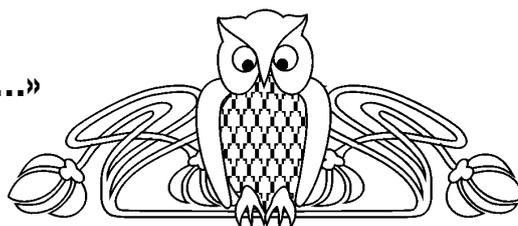
УДК 9(47).084.1+343.828(47)(09)

«НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЫЛО УЖАСНО ЕЩЕ В ОТНОШЕНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ...»

(К вопросу об организации медицинского
обслуживания подследственных

Чрезвычайной следственной комиссии

Временного правительства в Петропавловской крепости)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет

E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается организация медицинского обслуживания заключенных – высокопоставленных чиновников Российской империи – подследственных Чрезвычайной следственной комиссии, находившихся в Петропавловской крепости.

Ключевые слова: медицинское обслуживание, заключенные, Петропавловская крепость, Чрезвычайная следственная комиссия.

**«Our Situation Regarding Health Care Was Also Terrible...»
(On Theorganization of Medical Service of Prisoners under
Investigation of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government in the Peter and Paul
Fortress)**

Y.V. Varfolomeyev

The paper considers the medical care organization of prisoners under investigation of Extraordinary Investigation Commission (EIC), senior officials of the Russian Empire, locked up in the Peter and Paul Fortress.

Key words: medical care, prisoners, Peter and Paul Fortress, Extraordinary Investigation Commission.

Медицинское обслуживание заключенных занимает существенное место в деятельности пенитенциарной системы. Еще 30 августа 1955 г. на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными», статьи 22–25 которых регламентируют организацию медицинского обслуживания заключенных. В последние годы в Российской Федерации обострилось внимание к обеспечению прав заключенных, в том числе, и права на медицинское обслуживание в местах заключения. Все это делает актуальным обращение к историческому опыту отечественной пенитенциарной системы, в частности, периода правления Временного правительства. В качестве такого примера целесообразно рассмотреть некоторые вопросы организации медицинского обслуживания подследственных Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), находившихся в Петропавловской крепости с марта по октябрь 1917 г.

Первоначально, под воздействием революционного экстремизма радикальных партий, доминировавших в Петроградском Совете, положение бывших высокопоставленных царских чиновников, привлеченных к следствию и заключенных под стражу было крайне сложным и даже опасным. Для того чтобы исправить ситуацию, руководству министерства юстиции, и особенно сотрудникам ЧСК, которые постоянно работали с заключенными, пришлось принять целый ряд мер. Прежде всего, была решен кадровый вопрос. Серьезные и, как видно, обоснованные претензии арестантов вызывал тюремный врач. «Кроме еды, наше положение было ужасно еще в отношении медицинской помощи, – констатировал К.Д. Кафафов. – Старый врач¹, служивший в крепости, скоро освоился с новым порядком и перестал на нас обращать внимание. Бесплезно было звать его, он просто решил нас не посещать»². Как видно, за долгие годы пребывания в тюремных стенах этот «специалист»-медик настолько очерствел душой и дисквалифицировался, что его некомпетентность и безразличие к пациентам было для всех очевидно. С.В. Завадскому он, например, запомнился так: «апатичного вида человек в форме военного врача; равнодушным голосом говорил он, что все это правда (издевательства караула над заключенными. – Ю.В.), и еще равнодушнее добавлял, что он не может ссориться с караулом и наживать себе врагов»³.

Решение проблемы по оказанию медицинской помощи заключенным взяла на себя ЧСК, хотя это, собственно, и не входило в круг вопросов ее ведения. На своем очередном заседании 20 апреля 1917 г. члены комиссии пришли к выводу о том, что желательнее «поручить врачебный надзор за лицами, находящимися под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, особому врачу, в виду переобремененности⁴ занятиями крепостного врача, которого, при указанном условии, можно было бы освободить от надзора за арестованными, с оставлением его в прочих занимаемых им должностях»⁵.

Эти предложения и были изложены в письме председателя ЧСК Н.К. Муравьева министру юстиции. Здесь же Муравьев предлагал и возможного кандидата на эту должность – «доктора медицины Ивана Ивановича Манухина»⁶. Давая характеристику этому специалисту Муравьев,

безусловно, учел и современную политическую конъюнктуру, особо подчеркнув, что доктор Манухин пользуется «общим доверием демократии <...> ученик Мечникова, друг Горького, апробированный в этой своей должности Петроградским Советом Р.[абочих] и С.[олдатских] Депутатов...»⁷. Нужно отдать должное оперативности А.Ф. Керенского в решении этого вопроса. Уже 21 апреля он «изъявил согласие на возложение врачебного надзора за лицами, заключенными в Трубецком бастионе, на доктора медицины Манухина»⁸.

Новое назначение приветствовал также и сенатор С.В. Завадский: «Я очень этому обрадовался, – признался он. – Доктора Манухина я любил и считал его своим другом; человек безупречной порядочности и полного бескорыстия, он, в соответствии с требованиями момента, имел “левое” прошлое в виде “политической судимости”: Новочеркасская судебная палата приговорила его за увлечение освободительным движением 1905 года к заключению в крепости на 1 год»⁹. С этого момента «ученик Мечникова, друг Горького», и, как оказалось, даже друг Завадского, приступил к исполнению обязанностей «особого» врача подследственных ЧСК. Выбор комиссии оказался очень удачным. Манухин как нельзя лучше сочетал модные социалистические убеждения, высокий профессионализм и человечность. Это кадровое изменение не замедлило дать положительный эффект уже в самом скором времени: «...наше положение несколько изменилось к лучшему, – констатировал К.Д. Кафафов. – Старый врач был уволен, и на его место назначен доктор Манухин, убежденный социал-демократ, но человек высокопорядочный. С его приходом улучшилось и наше питание. Он стал требовать разрешения отпуска нам, за наш счет, молока, белого хлеба и пр.»¹⁰. Об этом же свидетельствовал и заместитель председателя ЧСК Завадский: «Когда назначение Манухина состоялось, заключенные почувствовали облегчение: он внимательно обходил камеры, тщательно осматривал больных, прописывал усиленное питание для тех, кто в нем нуждался, и решительно осаживал караульных при малейшей их попытке “свое суждение иметь”; так я помню, – писал Завадский, – однажды, один солдат выразил нежелание заказывать лекарство в аптеке Креслинга на Большой Конюшенной, говоря, что и ближе аптеки есть, но должен был смириться перед непреклонной решимостью Манухина поставить на своем»¹¹.

Кроме улучшения рациона питания заключенных Манухин обратил пристальное внимание и на состояние их здоровья. Если только у того или иного подопечного ухудшалось здоровье, врач незамедлительно добивался санкции Комиссии на изменение режима содержания заболевшего арестанта. Так, «2 августа, вследствие опасной сердечной болезни, я был переведен из крепости в хирургическое отделение Петроградской оди-

ночной тюрьмы, а в начале октября под домашний арест»¹², – вспоминал П.Г. Курлов.

С приходом нового тюремного доктора и наведением порядков в медицинском обслуживании заключенных проявился интерес к дальнейшей работе и у других сотрудников из числа медицинского персонала крепости. Так, например, фельдшер Трубецкого бастиона И. Козлов в тот момент, когда его решили перевести на другое место работы, вышел 2 октября 1917 г. с ходатайством к председателю ЧСК с просьбой оставить его в прежней должности¹³. Для решения этого вопроса председатель обратился к И.И. Манухину: «Комиссия просит Вас <...> сообщить заключение Ваше по содержанию ходатайства Козлова»¹⁴.

Следует отметить, что Манухин очень ответственно подходил к выполнению своих обязанностей и держал на контроле все вопросы, связанные с главным делом комиссии – проведением допросов. «Манухин просит передать, чтобы допросили Протопопова, которому все хуже, – вспоминал А.А. Блок. – Ему представилось, что всех амнистировали, а его одного держат. Следовательно он наврал, и его уже не вызывают. Манухин опасается, как бы он не спятил»¹⁵. Кроме того, ставшие традиционными регулярные обходы камер председателем ЧСК проводились теперь обязательно с участием врача. Секретарь комиссии А.А. Блок зафиксировал несколько таких эпизодов. «С хмуриющимся Муравьевым, социал-демократическим Манухиным, беспардонным заведующим заключенными поручиком (Чкония. – Ю.В.) и наглым П. Тагером мы обошли 18 камер...»¹⁶, – живописно запечатлел поэт в записной книжке один из таких обходов 27 мая 1917 г. Причем, в каждый из таких обходов Муравьев с коллегами посещали практически каждого третьего подследственного ЧСК. Вот и 1 июня они обошли 12 камер. На этот раз Блок отметил некоторые перемены и характерные черты в облике «клиентов»: «Вырубова похорошела. Воейкова стригли. Щегловитов каменный. Ранненкампф – карикатурный кавалерист. Добровольский может умереть. Макаров аккуратный и сдержанный. Климовичу очень тяжело»¹⁷.

Судя по всему, постоянный обход камер членами комиссии во главе с ее председателем не был заурядной формальностью. Многие заключенные доверяли комиссии и высказывали различные просьбы и пожелания, поэтому всегда с нетерпением ждали очередного визита «начальства». В одно из таких посещений А.Д. Протопопов, уже в самый последний момент, «подошел к нам очень близко, – вспоминал Блок, – и еще о чем-то просил (о мелочи, что ли, какой-то)»¹⁸.

Правда, не всегда посещение заключенных в крепости представителями ЧСК проходило в штатном режиме без эксцессов. По поводу одного из крупных инцидентов, случившихся в Трубецком бастионе, председателю комиссии пришлось разбираться 10 июня. В этот день, придя в крепость,

Блок застал там «Муравьева, уже обходившего камеры с прокурором Петербургской Судебной Палаты Каринским и И.И. Манухиным»¹⁹, и присоединился к ним. Накануне пробольшевицки настроенные солдаты²⁰ чуть было не совершили вооруженное нападение на Трубецкой бастион во время того, как заключенного М.А. Беляева увозили на Фурштадтскую²¹.

Между тем, начиная с лета 1917 г., распропагандированный гарнизон Петропавловской крепости почти постоянно «стал вмешиваться в порядки Трубецкого бастиона и контролировать действия охраны, – с тревогой вспоминал доктор И.И. Манухин. – К заявлениям о том, что она исполняет лишь постановления Чрезвычайной следственной комиссии, самочинные “контролеры” относились пренебрежительно, если не презрительно. Чувствовалось, что комиссия для них уже больше не авторитет»²².

Очевидно, что именно врач Манухин, который постоянно контактировал с заключенными, острее других членов комиссии ощущал дыхание расправы, надвигавшейся на узников крепости. 14 июня своими впечатлениями он поделился с Блоком. Доктор рассказал секретарю комиссии о том, что «с гарнизоном нет сладу. Не верят комитету, не дают заключенным, которым прописано, молока и яиц»²³.

К счастью для заключенных – подследственных ЧСК тревожные предчувствия доктора Манухина разделял и председатель комиссии Н.К. Муравьев, который также бдительно следил за эскалацией ультра-революционных настроений среди солдат гарнизона. «Настроение в крепости со дня на день становилось грознее, а трагический конец для несчастных монархистов мне казался все неотвратимей, – вспоминал Манухин. – Я предупредил Чрезвычайную следственную комиссию об опасности пребывания заключенных в крепости. Комиссия со мной согласилась...»²⁴. Отчетливо представляя опасность жуткого произвола, нависшую над «клиентами» ЧСК, Муравьев своевременно принял необходимые меры для того, чтобы сохранить жизни бывших царских сановников. 14 октября 1917 г., всего за десять дней до большевистского переворота, Муравьев направил представление министру юстиции, в котором просил принятия экстренных мер по обеспечению безопасности подследственных ЧСК с привлечением представителей других ведомств, прежде всего, военного и министерства внутренних дел²⁵. К этому времени по делам, находившимся в производстве комиссии, мера пресечения в качестве лишения свободы в той или иной форме была принята в отношении 17 лиц, и только двое из них – И.Г. Щегловитов и С.П. Белецкий оставались в заключении в Трубецком бастионе. В одиночной тюрьме «Кресты» содержались 7 человек, в том числе А.А. Хвостов, Е.К. Климович и С.Е. Виссарионов. В арестном доме на Казачьем плацу – 3 человека: А.Ф. Кублицкий-Пиоттух,

А.В. Герасимов и П.-Г.К. Ренненкамф. Двое находились на лечении: Н.А. Маклаков – в лечебнице доктора Конасевича, а А.А. Макаров – в лечебнице Герзони. И, наконец, М.А. Беляев и П.Г. Курлов находились под домашним арестом²⁶.

«Ввиду переживаемого нами тревожного момента и считая, что охрана безопасности этих лиц лежит на ответственности Государства, – отмечал Муравьев, – Комиссия не могла не остановить свое внимание на том, что охрана этих лиц, в особенности находящихся под домашним арестом и в частных лечебницах, вряд ли может считаться достаточной и что, по дошедшим до Комиссии сведениям, наблюдательная команда Трубецкого бастиона, в котором ныне содержатся лишь Щегловитов и Белецкий, крайне нервно относится к каждому случаю, когда ввиду состояния здоровья заключенных и вследствие требования закона приходится смягчать условия содержания заключенных, переводя их из Трубецкого бастиона в больницу или другие помещения»²⁷. В письме министру юстиции Муравьев обеспокоено указал на то, что для обеспечения безопасности всех «подопечных» ЧСК «в распоряжении Комиссии не имеется и не может иметься никаких средств, которыми неприкосновенность заключенных могла бы быть обеспечена от возможных случайностей...»²⁸.

По свидетельству доктора Манухина, именно благодаря действиям председателя комиссии Муравьева из казематов Петропавловской крепости в тюремные больницы или под домашний арест было переведено большинство высокопоставленных заключенных. Об одном из таких характерных случаев упоминает Блок: «Вырубову удалось перевести на Фурштадтскую (в больницу)»²⁹, – записал он 17 июня. Благодаря проведению руководством ЧСК такой политики «ко дню большевистского переворота почти все старорежимники из крепости были вывезены, – вспоминал Манухин. – Их отправляли в арестный дом на Фурштадтской улице <...> присутствие караула почти не чувствовалось. По распоряжению ЧСК заключенных стали постепенно отпускать на все четыре стороны...»³⁰.

Таким образом, к моменту Октябрьского переворота из 37 подследственных ЧСК под стражей оставались только трое. Это: «Сухомлинов, приговоренный судом к пожизненному заключению в крепости, Щегловитов, Белецкий <...> – все трое наиболее физически крепкие»³¹, – уточнял Манухин.

В укоренившихся необъективных оценках деятельности ЧСК или замалчивается, или искажается эта сторона ее деятельности. Наиболее наглядно это видно на примере высказывания даже весьма лояльного к работе комиссии Н.П. Карачевского: «Кое-кого удалось освободить или перевести в больницы, но это была только капля в море»³². Очевидно, мэтр адвокатуры перепутал где «капля», а где «море». На самом деле, «каплей»

заключенных, оставшихся под стражей в Петропавловской крепости были только три человека, а «море» – 34 подсудимых – находились или в больницах, или под домашним арестом³³.

В результате того, что комиссия в своей деятельности строго следовала требованиям законности, а также благодаря гуманной позиции и непреклонной приверженности нормам права ее председателя Муравьева, большинству подсудимых ЧСК все-таки удалось избежать ужасов «красного террора». Думается, что члены комиссии, невольно спасая «старорежимников» от расправы революционных экстремистов, действовали так отнюдь не в силу монархических убеждений, а руководствовались исключительно чувствами гуманности и принципами правосудия.

Примечания

- ¹ К.Д. Кафафов, должно быть, имел в виду тюремного врача Трубецкого бастиона Сергея Александровича Серебрянникова. Кстати, именно он доложил коменданту крепости о «проступке» полковника Г.А. Иванишина, заключавшемся в том, что при обходе камер тот сообщил председателю ЧСК Н.К. Муравьеву о болезни А.И. Дубровина.
- ² Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи / К.Д. Кафафов // *Вопр. истории*. 2005. № 7. С. 91.
- ³ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) / С.В. Завадский // *Архив русской революции*: в 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 60–61.
- ⁴ О «переобремененности» тюремного врача см. выше свидетельство К.Д. Кафафова.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–10об.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Муравьев Н.К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии»: доклад на Первом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов / Н.К. Муравьев // *Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов*. 1917. 18 июня. № 95.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.
- ⁹ Завадский С.В. Указ. соч. С. 60–61.
- ¹⁰ Кафафов К.Д. Указ. соч. С. 91.
- ¹¹ Завадский С.В. Указ. соч. С. 62.
- ¹² Курлов П.Г. Гибель императорской России / П.Г. Курлов. М., 1992. С. 250.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 104.
- ¹⁴ Там же. Л. 105.
- ¹⁵ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920 / А.А. Блок. М., 1965. С. 365.
- ¹⁶ Там же. С. 348.
- ¹⁷ Блок А.А. Дневники / А.А. Блок. М., 2008. С. 211.
- ¹⁸ Блок А.А. Записные книжки. С. 337.
- ¹⁹ Блок А.А. Дневники. С. 214.
- ²⁰ Гарнизон в крепости насчитывал 5000 человек. Из них, по приблизительным подсчетам, более 2000 были большевиками.
- ²¹ На ул. Фурштадтской находился арестный дом и тюремная больница.
- ²² Манухин И.И. Воспоминания о 1917–1928 гг. / И.И. Манухин // *Новый журнал*. 1958. № 54. С. 100.
- ²³ Блок А.А. Записные книжки. С. 359.
- ²⁴ Манухин И.И. Указ. соч. С. 100–101.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 115.
- ²⁶ Там же. Л. 116–116об.
- ²⁷ Там же. Л. 114–114об. К сожалению, «возможные случайности», как мягко выразился Н.К. Муравьев, все-таки, настигли спустя несколько месяцев бывших подсудимых ЧСК. В эпоху «красного террора» органами ВЧК без суда и следствия были расстреляны: А.И. Дубровин, А.Д. Протопопов, С.П. Белецкий, М.М. Андронников, Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов, А.А. Макаров и П. – Г.К. Ренненкамф.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 114об.
- ²⁹ Блок А.А. Записные книжки. С. 363.
- ³⁰ Манухин И.И. Указ. соч. С. 103.
- ³¹ Там же.
- ³² Карбчевский Н.П. Что глаза мои видели: в 2 т. / Н.П. Карбчевский. Берлин, 1921. Т. 2. С. 133.
- ³³ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 116–116об.